

Первые месяцы войны

Воспоминания с заметками историка

Внезапные потрясения

Война началась для меня с первого ее дня — 22 июня, в небольшом городке Балта на севере Одесской области. Полдень. Я стою у окна. Из черной тарелки бумажного репродуктора звучит голос Молотова: «Вероломное нападение фашистской Германии...» У меня сжимаются кулаки, и я все время твержу: «Ну и дадим же мы им... ну и дадут же им!» Рядом — мама. Она плачет и все время повторяет: «Витя, Витя...» Это мама о Викторе, моем старшем брате, призванном в прошлом году в армию и находящемся, судя по его письмам, где-то под Киевом.

Через час или два после выступления Молотова из-за забора раздается голос живущего в соседнем доме моего школьного учителя по русской литературе Петра Алексеевича Амосова: «Игорь, всех старшеклассников собирают в райком комсомола». Я тоже уже был старшеклассником. Только что сдал последний экзамен за 8-й класс. Не помню, звучали ли у райкома какие-то речи, призывы... Кажется, нет. Слишком торопились уже сегодня, до темноты, выяснить, где и какие в городе есть подвалы, пригодные для бомбоубежищ. Немецкие самолеты уже бомбили находящуюся в 25 километрах от Балты железнодорожную станцию Котовск (на главном пути Одесса—Киев—Москва).

Никаких других сведений не было, но железнодорожную станцию Балта в 7 километрах от города (на пути Одесса—Харьков) пока не бомбили. Всех нас распределили по улицам. Мне достались 1-я, 2-я и 3-я Сенянские. Как-либо прочных подвалов там быть не могло: почти все дома, как и наш, были построены в лучшем случае из глинобитных кирпичей, а чаще представляли собой деревянный каркас с толстыми ивовыми ветвями, обмазанными глиной. Сырые заброшенные подвалы нашлись лишь в нескольких кирпичных домах. Вот их-то в течение двух-трех дней мы и очищали, проветривали, устанавливали там деревянные лавки.

ОРЛИК Игорь Иванович — главный научный сотрудник Института экономики РАН, заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор исторических наук.

А над городом высоко в небе уже раздавался гул немецких самолетов. Особенно угрожающим казался прерывистый рев самолета с двумя фюзеляжами, который мы прозвали «рамой». Да и позже все их так называли. Никакой противоздушной обороны не было, иногда появлялись красноармейцы с длинными старыми винтовками. Прислонившись к стене, под прикрытием козырька низкой крыши нашего домишки, они из обычной винтовки стреляли в немецкий самолет, летящий на высоте полутора-двух тысяч метров! Воинских частей в городе тоже не осталось. А пехотный полк, стоявший на северной окраине Балты, 22 июня ушел в сторону Молдавии, до которой было менее 50 километров. Небольшая по составу военная комендатура и несколько милиционеров — вот и вся охрана города, ставшая необходимой с первых дней, так как по ночам за городом, в небольших окрестных лесах, с немецких самолетов сбрасывали парашютистов-диверсантов.

К концу первой недели из молодых ребят, главным образом старшекласников, был сформирован истребительный батальон. Оружия у нас было — если не считать нескольких учебных винтовок, взятых из школьных тиров и городского общества ОСОАВИАХИМ, да наганов милиционеров, возглавивших отдельные отряды нашего батальона. Утром они выходили за пределы города, прочесывали уже высокие к концу июня посадки кукурузы, виноградники, маленькие рощи, кустарники. Иногда мы находили брошенные парашютистами вещи и даже парашюты, но самих разведчиков-диверсантов обнаружить и захватить, во всяком случае нашему отряду, не удавалось ни разу, хотя об их действиях сообщали многие, приезжавшие с железнодорожной станции Балта и бывшие свидетелями пожаров, а также взрывов на железнодорожных путях.

Сообщения о продвижении немецких войск на Западной Украине и в Белоруссии были тревожными, но ритм жизни в городе пока еще не нарушался. Мы жили в полном неведении относительно нашего ближайшего будущего и даже не думали, что придется все бросить и бежать. Вскоре, однако, такие мысли стали приходиться все чаще и чаще. В первых числах июля все население города — и стар, и млад — было призвано на земляные работы. Более двух недель под палящим южным солнцем примитивными домашними лопатами мы копали широкий, глубокий ров на западной окраине города. Он должен был стать препятствием для немецких войск, прежде всего танков. Впоследствии выяснилось, что вся эта тяжелейшая работа нескольких тысяч балтян оказалась напрасной: в последних числах июля немцы вошли в город совсем с другого направления — с востока.

С середины июля над городом все чаще стали проноситься немецкие самолеты, обстреливавшие проезжавшие через Балту машины с ранеными солдатами. Иногда за городом раздавались взрывы бомб, а ровно через

месяц после начала войны, 22 июля, в полдень жестокой бомбардировке подверглась и Балта. Зрелище было страшное: дым, грохот, звон разбившихся окон, хотя и заклеенных бумагой крест на крест. О наших глиняных бомбоубежищах никто не успел даже вспомнить. Если же до сих пор и бомбоубежища, и противотанковый ров, и истребительный батальон, и даже глухой рев высоко пролетающих немецких самолетов и представлялись чем-то временным, то сейчас, когда на соседних улицах горели дома, а по узким переулкам бежали обезумевшие от страха люди, война стала реальной, физически ощутимой.

Ближе к вечеру снова началась бомбежка. Бомбы падали с запада на восток вдоль протянувшейся через город улицы Котовского и совсем рядом — на Уваровскую. Горела швейная фабрика, горел только что построенный гастроном. Я узнаю о пожарах от пробегавших мимо нашего дома знакомых ребят. Кое-кто из них тащил мешки. Говорят, в городе (так мы называли центральные улицы) народ разбивает уцелевшие магазины и разбирает все, что только можно, — главным образом сахар, муку, крупы. Никто людей не останавливал. Милиции нет.

Вскоре мы узнали, что в городе вообще нет никакой власти: все работники райкома партии, горсовета, милиции и другое начальство уехали на грузовиках еще ночью, а их семьи, оказывается, были тайно вывезены неделей раньше. А ведь всего несколько дней назад на вопросы сотрудников детской поликлиники, где работала мама, что делать, городское начальство угрожающе заявляло: «Не паниковать! Паникеров будем арестовывать». Так ровно через месяц после начала войны провинциальный городок Балта, но все же центр большого района был брошен на произвол судьбы. 14 тысяч его жителей были в полном неведении, что делать дальше, откуда могут появиться немецкие войска, куда бежать от них, где скрыться. Всем казалось, что спасение на востоке — за Бугом. С наступлением ночи толпы людей стали покидать город.

Закрыв на маленькие крючки внутренние деревянные ставни разбитых от бомбежки окон, заперев на маленький навесной замок дверь, мама, ее сестры Нюра, Жень и я в общей толпе беженцев двинулись на восток. Кругом были такие же, как мы, — балтская беднота. Люди побогаче купили повозки с лошадьми и уехали заранее. Дни бегства стали для нас тяжелейшим испытанием. Мы пережили голод, жажду, обстрелы немецких самолетов, бомбежку, лишь по счастливой случайности не оказавшуюся для нас роковой, встретились с немецким мотоциклетным десантом. Но главное — так и не сумели добраться до Буга. В поселке Кривое Озеро нас остановили румынские солдаты. Начались дикая вакханалия, массовые грабежи. Потом один из них несколько раз прокричал по-русски, что всем жителям Балты разрешается вернуться домой. Кое-кого из мужчин задержали, выделив

в отдельную группу. Всех остальных солдаты погнали по улице. Началось тяжелое возвращение.

Битва под Уманью

¹ См.: В. А. Анфилов. Грозное лето 41-го года. М., 1995; Он же. Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971; «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945». М., 1956; «История Великой Отечественной войны». М., 1977.

² «Великая Отечественная война 1941—1945». Кн. 1. «Суровые испытания». М., 1998. С. 186—189.

³ См. Е. Долматовский. Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., 1985.

Тысячи беженцев, скопившихся в Кривом Озере и окрестных селах, рассчитывали через день-два дойти до Буга, а за ним двинуться далее — на восток страны. Оказавшись внезапно в окружении вражеских солдат, они не могли представить, что там, у Буга, шло одно из крупнейших сражений Отечественной войны. Советские военные историки позже о нем совсем не писали¹. Да и нынешние отечественные исследователи отделеваются скупыми на двух-трех страницах сведениями, ссылаясь на сомнительный факт: якобы «имеющаяся в настоящее время в распоряжении историков информация весьма противоречива»².

О многих обстоятельствах трагических событий, происходивших западнее Кривого Озера, мне стало известно только через сорок с лишним лет из книги бывшего военного корреспондента, советского поэта Евгения Долматовского «Зеленая брама»³. Его воспоминания как участника боев, собранные им в течение длительного времени записи и рассказы других участников боевых действий в этом регионе раскрыли весь драматизм обстановки, в которой оказались отступавшие советские армии, а с ними и мы — десятки тысяч беженцев.

Разрозненные сведения из различных источников дают мне, историку, возможность хотя бы кратко восстановить ход драматических событий южнее Умани и северо-восточнее Кривого Озера в 20-х числах июня — первой декаде августа 1941 года, то есть в течение трех недель того жаркого лета.

Уже через месяц после начала войны был совершен прорыв немецких войск через Западную Украину и Молдавию к берегам Южного Буга между Уманью и Первомайском. Это был именно прорыв, так как севернее и южнее врезавшегося в советскую территорию клина находились советские армии.

Почему изменилась стратегия германского командования, стремившегося прежде всего захватить Киев? Из записей в военном дневнике верховного главнокомандования вермахта (26 июня — 24 июля 1941 года)

⁴ Цит. по: В. И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 205.

⁵ Там же. С. 206.

видны сомнения Гитлера: «Куда повернуть — на юг или на север?»; «Это будет самым тяжелым решением этой войны» (4 июля)⁴. 17 июля фюрер дает указание «перерезать тыловые коммуникации 6-й и 12-й русских армий»⁵.

Именно эти две советские армии, с боями отходя от западной границы, затем в течение трех недель сдерживали продвижение германских, румынских, венгерских и итальянской дивизий на юго-восток Украины.

В пространной директиве фюрера № 33 от 19 июля подчеркивалось: «Важнейшая задача — концентрическим наступлением западнее Днепра уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника, не допуская их отхода за реку»⁶. В беседе с генералом Йодлем 27 июля

⁶ Там же. С. 208.

Гитлер возражает против наступления на Москву и взятия Киева, «указывая на необходимость как можно скорее овладеть Донецким промышленным районом». 28 июля он «вновь подчеркивает свое мнение, что для него большее значение имеет промышленный район Харькова, нежели Москва»⁷. Он заявляет 4 августа: «...в первую очередь повернуть крупные силы группы армий “Центр” на юго-восток»⁸.

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Там же. С. 226.

Вот почему южнее Умани вдоль реки Синюха, до ее впадения в Южный Буг, сосредоточились войска гитлеровской коалиции, в том числе германские 16-я, 11-я и 9-я танковые дивизии, две механизированные (16-я и «Адольф Гитлер»), 297-я, 24-я, 125-я и 97-я пехотные дивизии, 1-я и 4-я горнострелковые, 157-я и 96-я пехотные и другие дивизии, венгерский и румынский корпуса, итальянская дивизия. Всего 22 дивизии со всевозможными средствами усиления. Их поддерживали свыше 700 бомбардировщиков и истребителей. Только немецкие дивизии насчитывали более 100 тысяч человек, 3 тысячи орудий и более 200 танков. Всей этой огромной военной группировке противостояли 6-я и 12-я армии: около 130 тысяч человек, более 1 тысячи орудий, 384 танка»⁹.

⁹ См. «Великая Отечественная война 1941—1945». Кн. 1. С. 186.

О боевых действиях в этом регионе известно мало. Даже в таком авторитетном издании, как «История Великой Отечественной войны», содержится всего лишь краткая, без каких-либо объяснений причин поражения двух армий констатация: окруженные войска вели героическую борьбу до 7 августа, а отдельные отряды — до 13 августа, пока не иссякли возможности сопротивления. Отступая и сохраняя силы, 6-я и 12-я армии с первых часов войны вели упорные бои, к 25 июля, оттесненные в район Умани, были окружены превосходящими силами противника.

Установить основные направления боевых действий сейчас без материалов военных архивов практически невозможно. Известно только, что в конце июля немецкие танковые дивизии генерала Э. Клейста прорвались к Новоархангельску, а затем вышли к Первомайску. Прорваться к Умани они не смогли, так как сохранившая боеспособность и пришедшая на помощь 11-я танковая дивизия в боях с 21 по 23 июля нанесла большие потери противнику, вынудив его отступить.

Севернее и восточнее Новоархангельска шли ожесточенные бои с тремя немецкими танковыми дивизиями. На юге и юго-западе противник сконцентрировал две немецкие горнострелковые дивизии, венгерский и румынский корпуса. Сюда же направлялась итальянская дивизия. Об огромных масштабах и предельной напряженности сил обеих сражавшихся сторон свидетельствуют лаконичные ежедневные записи в военном дневнике начальника Генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера.

24 июля. Силы 6-й (немецкой. — *И. И.*) армии «разбросаны на большой территории. Массирование сил на направлении главного удара отсутствует!» 26 июля. «Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под

¹⁰ Ф. Гальдер. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск, 1939—1942. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 180, 181, 195.

угрозы наметившегося окружения... большое искусство, с которым он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их...» Здесь же, в дневнике, Гальдер подчеркивает, что перед ними «совсем другой противник»¹⁰. С 29 по 31 июля — записи о локальных ок-

ружениях и прорывах танковых групп западнее и севернее Первомайска, бои и локальные окружения у Первомайска, Вознесенска; продвижение на Александрию; окружение отдельных групп юго-восточнее Умани¹¹.

¹¹ См. там же. С. 206, 213, 214, 219, 224.

Военная ситуация изменялась буквально с каждым часом. 1 августа ночью группа советских войск и ее штаб оставляют Умань. Ранним утром Военный совет 6-й и 12-й армий, объединенных в группу Понеделина, сообщает командованию Южного фронта и Государственному комитету обороны: «Положение стало критическим. Окружение 6-й и 12-й армий завершено полностью. ...Резервов нет. Просим очистить вводом новых сил участок Терновка—Новоархангельск. Боеприпасов нет. Горючее на исходе. Однако в ответ приходит указание: «Прочно удерживать занимаемые рубе-

¹² Цит. по: Е. Долматовский. Зеленая брама. С. 60, 68.

жи...» А затем — «новыми атаками пробить себе путь и выйти из окружения»¹².

В первых числах августа бои приняли особенно ожесточенный характер, несмотря на окружение многих воинских частей 6-й и 12-й армий. 2 августа бои шли у Первомайска, где немцы смогли замкнуть кольцо окружения. В районе села Подвысокое бои шли днем и ночью в течение нескольких

¹³ См. «Великая Отечественная война». Кн. 1. С. 188—189.

дней. До 13 августа сопротивлялась большая группировка войск в лесу восточнее села Копенковатое¹³.

Некоторым группам удалось прорваться и выйти из окружения. Но не всем. Генерал-лейтенант Иван Николаевич Музыченко — командующий 6-й армией и генерал-майор Павел Григорьевич Понеделин — командующий 12-й армией «принимали все меры, возможные в сложнейшей обстановке... вместе с бойцами пошли в прорыв, показывая пример личной храбрости

и отваги»¹⁴. Но 6 августа в рукопашном бою с превосходящими силами противника Понеделин был схвачен. Тяжело раненный в подбитом танке, Музыченко также попал в плен.

¹⁴ Е. Долматовский. Зеленая брама. С. 74.

После трех недель отчаянных боев обе армии потерпели огромное поражение. Это было одно из первых проигранных сражений Красной Армии в самом начале войны. И все же битва под Уманью с немецкими войсками, которую вели 6-я и 12-я армии, фактически сорвала план Гитлера уже в июле 1941 года захватить Киев, Днепропетровск, Запорожье, Донбасс. На три недели «задержались» под Уманью 22 немецкие дивизии и почти все войска сателлитов. Это дало возможность отошедшим на восток Украины войскам закрепиться на новых рубежах; одновременно началась и продолжалась эвакуация Днепропетровска, Запорожья, Кривого Рога, Днепродзержинска, Никополя и других промышленных городов.

Маршал авиации В. А. Судеев, позже говоря о роли 6-й и 12-й армий в битве под Уманью, отмечал, что, если бы не их отчаянные бои в окружении, вряд ли удалось бы эвакуировать заводы Запорожья, сыгравшие такую огромную роль в деле борьбы за победу в этой войне. На Урал и в Сибирь было отправлено 99 тысяч вагонов с промышленным оборудованием. Несколько миллионов жителей Восточной Украины смогли избежать вражеской оккупации.

В битве под Уманью были сосредоточены огромные силы войск гитлеровской коалиции. Это дало возможность многим воинским частям Красной Армии с боями пройти севернее Умани на восток и затем выйти к Запорожью. Об этом мне еще в конце 1950-х годов рассказывали мой бывший однокурсник по истфаку МГУ Константин Тарновский и коллега по кафедре в МГИМО Николай Иноземцев, артбатареи которых прошли долгий боевой путь от западной границы до Днепра¹⁵. Именно здесь, у Днепра, за три недели боев под Уманью удалось сосредоточить дивизии Красной Армии для противодействия продолжавшим наступление немецким войскам.

¹⁵ См. также Н. Иноземцев. Фронтовой дневник. М., 2005. С. 58.

Конечно, обо всех этих событиях мы, беженцы, остановленные в Кривом Озере румынскими солдатами, ничего не знали. Подгоняемые прикладами ружей, а то и выстрелами, мы толпами возвращались кто в Балту, кто в Котовск или другое место своего бывшего жительства.

Оккупационный режим

Дорога в Балту оказалась еще более продолжительной и тяжелой, чем бегство. Мы возвращались другой, длинной, дорогой по территории, уже оккупированной врагом. В первую же деревню нас не пустили немецкие солдаты. Пришлось обходить через поле, а затем снова выбираться на дорогу. Постепенно толпа беженцев рассредоточилась. Шли отдельными

небольшими группами. Мучили жара и жажда. Но напиток удавалось только у колодцев, стоявших в стороне от занятых немцами сел и деревень. Что мы ели и ели ли вообще что-нибудь за эти дни тяжелого пути, не помню. Ночевали в сараях, куда нас четверых пускали хозяева, либо в пустом загоне для скота. Как-то вечером тетю Нюру узнала одна из ее пациенток в балтской поликлинике и дала нам еды. В дом не пустила — немцы. Они находились здесь уже не один день. Так что и Балта скорее всего уже была занята врагом. К чему мы придем?

1 августа к вечеру мы наконец вошли в Балту. Не понятно, откуда взялись силы, но мы бросились к своей Сенянской улице бегом. Вбежали во двор и увидели, что в соседнем доме, где жил мой школьный учитель, двери и окна нараспашку, а молодые парни и мальчишки вытаскивают оттуда мебель и домашнюю утварь. И вдруг я слышу: «Эй, Орлик, малюй крест, тут будет гетто». Это был Ванька М. (не стану называть его фамилию, поскольку мои воспоминания могут прочесть его внуки или правнуки). Ванька, как мы все в школе его называли, учился классом старше меня, а по возрасту был и того старше. На левом рукаве его пиджака я увидел широкую белую повязку с синей печатью со свастики в центре и надписью латинским шрифтом «полицай».

Наконец дрожащими руками мама открыла навесной замочек. Внутренние ставни в окнах были закрыты. Значит, за время нашего отсутствия здесь еще никто не побывал. Между тем за забором стояли мальчишки, которые еще две-три минуты назад были готовы ринуться и в нашу квартиру. Полицай ушел. «Не открывайте ставни!» — взволнованным голосом сказала мама и бросилась на колени перед нижним ящиком старенького комода. Вытащила защитную офицерскую гимнастерку с красными петлицами, на которых блестели по две темно-красные эмалевые шпалы, офицерские галифе и офицерский зимний шлем с большой красной звездой. Полный комплект обмундирования командира Красной Армии еще в конце зимы прислал мне из Москвы мамин брат — дядя Шура, инженер химических войск, после того как побывал в начале года у нас в Балте и увидел мою скудную одежонку. У мамы руки не дошли до перешивки; потом началась война, и мы забыли об этом дядином подарке.

Страшно подумать, что ожидало бы нас, найди немцы или румыны, или полицай Ванька в нашем доме одежду советского командира. Поэтому первым делом мы спорили петлицы со шпалами, разрезали командирский шлем со звездой, закопали все это за домом, а распоротые по швам гимнастерку и брюки мама тут же принялась красить в черный цвет. Поставила на керосиновый примус ведро с водой и положила туда два пакета краски, которая у нас была всегда, — в те бедные времена мы часто перекра-

шивали и перелицовывали выгоревшие вещи. А я тем временем в полной темноте остатками белил выводил полужасохшей кистью на двери нашего дома большой православный крест. Я явно перестарался — крест получился больше метра. Зато он был хорошо виден даже с улицы и впоследствии часто спасал нас от многих неприятностей и угроз.

Очень трудно и, откровенно говоря, тяжело вспоминать, тем более описывать свою жизнь во время оккупации. Тридцать два месяца физических и моральных страданий, страха, угрозы жизни, полного неведения и безнадёжности. В первые дни после возвращения в Балту мы были очень подавлены. Город был занят немецкими и румынскими войсками за два дня до нашего прихода. Говорили, что на северо-восточной окраине несколько дней шли бои и часть города дважды переходила из рук в руки. Тем не менее к 1 августа в Балте уже была не только немецкая военная комендатура, но и быстро сформированная полиция из местных городских и сельских, в основном молодых, парней, вроде Ваньки М.

Грабежи продолжались. На другой день утром к нам явились два румынских вооруженных солдата. Выгнав нас во двор, они вошли в дом. Через разбитые окна я видел, как они выдвигали ящики комода, вытаскивали из ящика буфета ложки, ножи и вилки. Отобрали понравившиеся — остальные швырнули обратно. Поживиться у нас было нечем, и они скоро ушли. Но такое повторялось несколько раз в течение первых дней. Немцы проходили мимо, что-то говорили, глядя на большой белый крест на двери, но не зашли ни разу.

Утром, отправившись в соседний двор к колодцу, я увидел большую группу веселившихся солдат в форме, не похожей ни на немецкую, ни на румынскую. Оказалось, это итальянцы. Еще через несколько дней в поисках еды я рискнул зайти на близко расположенный от нашего дома базар. Всю площадь занимала толпа вооруженных солдат уже в другой форме. Слышалась совершенно не знакомая мне речь. Это был венгерский батальон. Таким образом, в Балте была представлена почти вся гитлеровская коалиция.

Вскоре на стенах домов вдоль всех улиц появились угрожающие распоряжения на немецком и русском языках, требующие полного подчинения всем приказам немецкой комендатуры и содержащие строгое предупреждение о суровом наказании, вплоть до расстрела, за сокрытие беглых военнопленных и коммунистов. Аналогичная угроза распространялась на готовых помогать евреям либо прятать их у себя. Здесь я должен сказать о драматической для моего городка особой ситуации. Примерно половину населения Балты составляли евреи. Большинство из них проживали на трех Сенянских и Кузнечной улицах, как раз определенных в качестве территории гетто. Никаких оград или проволочных заграждений не было

установлено, но выходить за пределы гетто евреям строго запрещалось. Русские и украинцы, как и мы, должны были выделить свой дом крестом. Распоряжения немецкой военной комендатуры, регламентировавшие поведение горожан, были отнюдь не простыми угрозами. На южной окраине города, за старым кладбищем, немцы вскоре расстреляли более 100 человек — пойманных военнопленных, коммунистов из соседних сел, многих евреев. Среди погибших оказалась наша знакомая — 70-летняя врач из поликлиники, где работала моя тетя.

По городу вскоре были расклеены большие объявления на русском и румынском языках — декрет об установлении румынской администрации на всей территории между Днестром и Бугом, получившей название «Транснистрия». Согласно декрету, все эти земли, включая Одессу, которая не сдавалась еще до середины октября, отходили к Румынии. В декрете содержались столь же грозные предупреждения относительно полного подчинения населения румынским властям, как и в прежних немецких распоряжениях.

Городская управа издала приказы об обязательном участии всего населения в выполнении «трудовой повинности». Это совпало со слухами о вывозе на работу в Румынию молодых людей. Из Балты пока еще никого туда не отправили, но приезжавшие из окрестных сел знакомые сообщали о таких насильственных отправках из поселков севернее Балты. Поэтому всякий раз, когда местные полицейские в сопровождении вооруженных румынских солдат проходили по домам вдоль улиц и выгоняли на работу молодых ребят, каждый со страхом ожидал возможной отправки в Румынию. Однако пока все ограничивалось полевыми работами по уборке кукурузы и свеклы. Часто в одной «бригаде» оказывались ребята из моей школы, а то и одноклассники. Тогда становилось как-то легче, даже веселей.

Помню один такой осенний день, когда под присмотром стоявшего на краю поля солдата мы, чуть не половина бывших двух 8-х классов («а» и «б»), копали и дергали из мокрой земли белую сахарную свеклу. Вдруг одна из девочек (жаль, забыл ее имя и фамилию), всегда отличавшаяся озорством, громко запела всем известную песню: «На просторах родины чудесной, закалялась в битвах и труде...» На мгновение мы все обмерли, а затем дружно подхватили: «Мы сложили радостную песню о великом друге и вожде». Ничего не понявший солдат посмотрел на нас и пошел вдоль поля, а мы громко распевали припев к песне и лишь чуть потише — имя вождя. «Выгоны», как мы их называли, происходили все чаще, и не только в поле, но и на другие тяжелые работы — погрузку отправляемого в Румынию зерна или станков и оборудования с мебельной фабрики, других мелких предприятий.

Первой проблемой, с которой столкнулись мы сразу после возвращения в Балту, стало отсутствие продуктов. Никаких запасов дома не было. Рынок пустовал. Но уже через неделю-две в город потянулись крестьянки из ближайших сел с корзинами и мешками, чтобы обменять хлеб, масло, овощи на вещи, главным образом одежду. Вот и пришлось нам из своего и без того скудного гардероба отбирать рубашки, кофты, постельное белье, коврики для обмена на еду, прежде всего хлеб.

Поздней осенью к нашему полуголодному существованию, а подчас и голоду, добавился еще и холод. Осень и начало зимы 1941 года оказались на редкость холодными. Дождей и снега не было, но уже в конце октября неожиданно подули ледяные ветры, а затем ударили и весьма редкие для наших южных краев морозы. Сначала на топку пошли все заборы, потом чахлые деревья и кустарники. Темными вечерами, а то и ночью я пробирался в соседний заброшенный еще до войны глиняный домик и вытаскивал оттуда все, что могло гореть. Мой «промысел» был и тяжелым, и опасным: по улице ходили румынские патрули и открывали стрельбу при любом подозрительном шуме. После каждого такого «рейда» мама и обе тети со слезами на глазах умоляли меня покончить с этим опасным занятием. Но снова надвигалась морозная ночь — и я опять отправлялся за дровами. Так промышлял не я один.

Начало борьбы

Когда я пытаюсь воспроизвести в памяти осенние месяцы 1941 года, то как бы ощущаю состояние всеобщего оцепенения, покорности судьбе, в котором пребывали мы — жители маленького южного городка, оккупированного врагом, особенно после падения в середине октября Одессы. На что можно было надеяться?

По тротуарам Уваровской улицы, выложенным старыми, плохо отделанными, но отполированными за многие десятилетия гранитными плитами, чеканили шаг в подбитых подковами сапогах патрули немецкой комендатуры. Вечером в темноте высвечивались их нагрудные длинные бляхи с фосфоресцирующей свастикой. По утрам румынские солдаты гнали на полевые работы за город молодых ребят. По Кузнечной и Сенянским гнали из гетто толпы евреев на загородный кожевенный завод или еще куда-нибудь. Казалось, кто мог воспротивиться такой военной силе: гестапо, обосновавшемуся в старой школе-четырёхлетке, где я начинал учиться в 1933 году, румынской жандармерии, полициям, которые знали почти всех и за всеми следили? Ни мне, ни моим друзьям по школе, ни даже более старшим тогда и в голову не приходило, что можно бороться с оккупантами. Выжить, избежать отправки в Германию или Румынию — вот что нас волновало больше всего. Ну и, конечно, не умереть с голоду и от холода.

Ни в конце 1941-го, ни в последующие два с лишним года большая часть населения на оккупированных землях, не выражая симпатий и поддержки оккупантам, тем не менее вынуждена была мириться с тяжелым положением. Можно ли их винить за это? Ведь не они были повинны в том, что произошло. Но были и другие — не только пытавшиеся вселить надежду на освобождение, но и боровшиеся за это. Сначала их было немного, однако с каждым месяцем становилось все больше и больше. Только в Балте и в Балтском районе в подпольной партизанской организации и во многих группах партизан насчитывалось несколько сот человек. Как это начиналось?

Мой школьный приятель, Саша Ткачук, как-то показал мне небольшую листовку, кем-то привезенную из Одессы. Это было обращение к гражданам Одессы и Одесской области. Не помню содержания листовки, но помню, что она была очень краткой, призывала к оружию, борьбе с оккупантами и стала для меня первым свидетельством сопротивления врагу, развернутого на занятой им нашей земле. Позже я узнал, что уже осенью 1941 года, еще без какого-либо организационного оформления, зародились первые немногочисленные группы единомышленников, вскоре ставших подпольщиками — активными борцами против оккупантов в Балтском и соседних районах. Сейчас трудно установить, когда оформились первые небольшие подпольные группы. Очевидно, они появились уже в октябре—декабре 1941 года. Возможно, тогда о них и стало известно руководителям партизанского подполья в Одессе. Не случайно преподаватель Одесского университета Татьяна Борисовна Брагаренко была направлена ими в Балту для организации подпольной работы в городе и районе. Владея немецким языком, она устроилась на работу машинисткой в румынской городской управе.

Брагаренко начала свою деятельность в Балте, имея уже нескольких помощников. Среди них — учитель физкультуры моей школы Николай Осокин и его жена Валентина, учитель 1-й украинской школы, приятель моего старшего брата Виктора Виталий Дереняно, мои старшие товарищи по школе, окончившие ее в 1941 году, Оскар Шмальц и Юрий Гаудич. Как свидетельствуют документы Одесского архива, началась деятельность подпольной группы, первоначально состоявшей из 11 человек, затем превратившейся в крупную подпольную организацию, включавшую несколько подпольных групп Балтского и соседних с ним районов.

Со временем Балтская подпольно-партизанская организация стала одним из самых крупных и разветвленных партизанских соединений. По количеству участников и масштабам действий она была второй после Одесского объединения. В силу объективных условий руководители балтского подполья не имели возможности сформировать многочисленный

партизанский отряд, но фактически им являлась разветвленная система партизанских групп, которые имелись не только в Балте, но и во многих селах Балтского и соседних районов¹⁶.

Став связным балтского подполья, я выполнял задания по связям примерно с четырьмя или пятью партизанскими группами. А ведь таких связных, вроде меня, было немало. Каждая из партизанских групп включала от 5 до 10 человек. Были группы и более 15 партизан — это уже целый отряд.

Борьба балтских партизан, их успехи и тяжелые поражения — тема отдельного рассказа¹⁷. После освобождения Балты 29 марта 1944 года, перезахоронив тела 50 расстрелянных гестаповцами партизан-подпольщиков, большинство их друзей ушли на фронт. Для меня это был 230-й армейский стрелковый полк 53-й армии 2-го Украинского фронта. Пройдя через Молдавию, мы участвовали в Яско-Кишиневской операции, затем в боях на подступах к Бухаресту, в Трансильвании и Восточной Венгрии, во взятии Будапешта, освобождении Словакии и наконец — в освобождении Праги. Но впереди еще была война с Японией. Только к новому, 1947 году после демобилизации я вернулся в Балту. Впереди была вся жизнь. Почему же она так быстро проходит?..

Никто не забыт, ничто не забыто?

Почему через столько лет (десятилетий!) меня все еще волнует память о начале войны, неудавшемся бегстве, друзьях — партизанах-подпольщиках (погибших и оставшихся в живых), о фронтовых дорогах? Почему волнует ставшая известной через много лет после войны судьба 6-й и 12-й армий, трагедия двух командармов?

Очевидно, потому, что судьба моя, моих близких, тысяч беженцев, попавших в окружение вместе с 6-й и 12-й армиями, была определена сражением под Уманью. А еще не дает успокоить память жестокая несправедливость, проявленная к некоторым героям войны да и ко многим другим ее участникам. Вот лишь один из трагических фактов.

Ровно через десять дней после того, как командарм 12-й армии попал в плен, 16 августа 1941 года последовал приказ Ставки Верховного Главного командования Красной Армии № 270, в котором, в частности, отмечалось: «Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим... Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезерти-

¹⁶ См.: «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов». Т. 2. Одесса, 1949; «Одесская область в Великой Отечественной войне, 1941—1945. Документы и материалы». Одесса, 1970.

¹⁷ См. об этом: **И. И. Орлик**. В Балтском подполье. — «Новая и новейшая история». 1988. № 6; **Он же**. В подполье и на фронте. — «Новая и новейшая история». 2005. № 3; **Он же**. Моя военная юность. М., 2005.

ровал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги». Далее следовал приказ уничтожать трусов и дезертиров, а их семьи подлежали аресту; «семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

¹⁸ «Военно-исторический журнал». 1988. № 9. С. 27, 28. «Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах»¹⁸. Приказ подписали Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков.

Е. Долматовский и К. Симонов, знавшие подлинные обстоятельства пленения двух командармов, позже утверждали, что приказ № 270 — это «бесчестная попытка свалить на них ответственность за все, что произошло на Южном фронте»¹⁹. В плену П. Г. Понеделин «держался мужественно и с достоинством»²⁰. Но после возвращения из плена в 1945 году его арестовали, судили (с формулировкой приказа № 270), и в 1950 году он был расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. Командарм 6-й армии И. Н. Музыченко, находясь в плену, тоже «вел себя достойно и мужественно»²¹. О его судьбе

²¹ Там же. С. 585.

ходили разные сведения. Но, согласно последней публикации, в 1947 году (ему было 46 лет) он был «уволен в отставку по болезни» и прожил до 1970 года.

Кроме двух командармов в результате поражения 6-й и 12-й армий в плен попали четыре командира корпуса, 11 командиров дивизий. Погибли два командира корпуса и шесть командиров дивизий²². Их и обвинила Ставка в гибели обеих армий.

²² См. там же. С. 188.

Лишь в 1998 году впервые было весьма лаконично признано, что поражение под Уманью двух советских армий было результатом ошибок Ставки и командования Южного фронта²³.

Современные отечественные историки, повторю, мало внимания уделяют исследованию неизвестных страниц начала Великой Отечественной войны, в том числе и битвы под Уманью. Даже некоторые разрозненные свидетельства говорят о масштабах этого сражения. Не зря, видно, немецкие мемуаристы и историки озаглавливали свои публикации и даже книги «Битва под Уманью».

Что это было одним из первых сражений Великой Отечественной войны, подтверждено многими фактами, скрупулезно собранными на протяжении многих лет не военными историками, а поэтом Евгением Долматовским. В качестве корреспондента армейской газеты он оказался в гуще событий, участвовал в боях, попал в плен в знаменитой «Уманской яме», куда сгоняли тысячи пленных советских солдат и командиров. Ему удалось бежать. Кроме него о битве под Уманью знал и лишь немного написал Константин Симонов.

Еще не исследованы многие документы военного архива в Подольске и в других архивах, в том числе личные архивы Долматовского, Симонова, других участников войны. А ведь по свидетельству Е. Долматовского, в военном архиве есть специальный фонд 6-й армии. В архиве Симонова — большая папка «Южный фронт». Речь в ней идет не только о битве под Уманью, но и вообще о начальном периоде войны и многом другом из истории Великой Отечественной.

Оба фронтовика, Долматовский и Симонов, не раз с сожалением говорили: как много еще не рассказано о войне. Но и сейчас, 70 лет спустя, приходится повторять эти грустные слова. А кто может рассказать? Ведь нас, участников войны, с каждым днем остается все меньше и меньше. Еще два-три года, ну, скажем, пять лет, и нить памяти оборвется. Навсегда.

Полную, главное — объективную, оценку многим событиям военного времени должны дать не только участники войны и историки, но и государственные деятели, власть страны. Сколько времени и усилий потребовалось, чтобы, преодолевая сопротивление власти, восстановить честь и достоинство защитников Брестской крепости, воздать должное их стойкости и героизму! Так, может, и битва под Уманью сейчас, спустя семь десятилетий, заслуживает признания как героический подвиг и солдат, и генералов, первыми оказавших врагу столь мощное и продолжительное по тем временам сопротивление? Битва под Уманью не должна быть преданной забвению, как и подвиг всех защитников Отечества в первые месяцы Великой Отечественной войны.

И еще. О памяти. Но не о военных битвах. А о людской, человеческой драме. Большим и совершенно неоправданным «провалом» нашей памяти остаются трагические обстоятельства жизни людей на огромных территориях, оккупированных врагом в начале войны. Ведь речь идет о судьбе десятков миллионов людей. Как мало, а подчас и вовсе неизвестно о борьбе подпольщиков-партизан в небольших городах и селах, сколько тысяч имен тех, кто самоотверженно боролся за жизнь и свободу, преданы забвению и стерты из памяти даже их прямых потомков!

В истории народов бывают такие эпохальные события, которые не могут, не должны быть преданы забвению. Без знания, без памяти о них теряются жизненность народа, его сила, воля, самосознание, нравственность, в конечном счете — вера в собственное будущее. Кто-то скажет, что это громкие слова. Но я уверен: в этом суть необходимого отношения к недавнему прошлому народа России, пережившего в середине XX века гигантское трагическое потрясение, вошедшее в нашу историю под названием «Великая Отечественная война 1941—1945 годов».

Все меньше остается участников, свидетелей да и просто современников тех событий. Ужас войны и оккупации уходит в прошлое. Все меньше правдивых, отражающих реальность того времени сведений доходит до молодых людей, вступающих в сознательную жизнь в начале нового, XXI века. Может быть, мой краткий очерк побудит кого-нибудь из них более серьезно задуматься над прошлым своей страны, над жизненным подвигом их прадедов и дедов в середине прошлого века. Важно, чтобы они знали и понимали: память о прошлом нужна ради будущего.

